

Служащие Западной Ограды недоуменно переглянулись. Один из них обратился к Тан Фану, вежливо сложив руки:

— Господин Тан, Командующий велел нам пригласить Вас во дворец. Он ожидает у ворот.

Говорил он очень вежливо, но не потому, что свирепые служащие Западной Ограды внезапно подобрали и обучились манерам, а потому, что они оказались свидетелями того, как Тан Фан получил во Дворце приказ расследовать дело. Кроме того, даже сам Ван Джи никогда не вел себя с Тан Фаном слишком высокомерно, так что и они, держа нос по ветру, решили быть вежливы с ним.

Конечно, если бы Тан Фан отказался идти с ними, то, следуя приказу Ван Джи, все равно отвели бы его под руки во дворец без лишних разговоров, как в ту ночь.

Это называется «сначала мягко, а затем жестко»: сначала будь вежлив, если не поможет – примени силу.

Тан Фан понимал, что у него нет другого выбора, кроме как встать. Погладив живот, он почувствовал, что тот уже был не таким вздутым, как раньше.

— Пошли, – сказал он.

— Благодарю господина Тана за понимание, – улыбнулся служащий, а затем услужливо предложил: – Господин Тан, подать Вам коня или предпочтете паланкин? У нас есть и то, и другое!

Конечно паланкин! Тан Фан не мог позволить себе быть особо вежливым, поэтому тотчас забрался в пустой паланкин с двумя носильщиками.

Кажется, из-за длительного давления со стороны столь сложного начальника вроде Ван Джи, эффективность Западной Ограды достигла небывалых высот. Стоило Тан Фану устроиться в паланкине, как он тотчас почувствовал, что его подняли и понесли с необычайной скоростью. Удивительно, но паланкин почти не покачивался, хотя земля под ногами носильщиков была не самой ровной. Приподняв занавеску, он выглянул наружу: пейзажи за окном сменяли друг друга в мгновение ока, так что глаза не поспевали. После непродолжительного наблюдения господин Тан почувствовал, что у него кружится голова. Быстро опустив занавеску, он решил воспользоваться минуткой покоя и закрыл глаза.

Стоило ему сделать это, как он сразу же уснул, а проснулся только тогда, когда кто-то дважды похлопал его по плечу. Протрав глаза, он увидел служащего Западной Ограды, который наклонился, чтобы разбудить его:

— Господин, мы прибыли к воротам дворца.

Тан Фан почувствовал себя намного лучше. После сна исчезла и боль в животе. Лениво потянувшись, он наконец выкарабкался из паланкина.

Ван Джи с нетерпением поджидал его у ворот. Заметив, что тот прибыл, он повернулся и, не говоря ни слова, зашел во Дворец.

— Поторопись! Если опоздаем, то пропустим!

— Что? – Тан Фан был немного сбит с толку.

— Юань Лян покончил с собой, проглотив золото, – бросил на него взгляд Ван Джи.

Что? Тан Фан был удивлен не на шутку:

— Что ты сделал?!

— Что я сделал? Я ничего не делал! – огрызнулся Ван Джи.

— Тогда что произошло? Меня не было всего ничего, а Юань Лян уже... наследный принц знает? – поспешил спросить Тан Фан.

Ван Джи позвал его, а значит, он не был против того, чтобы Тан Фан узнал обо всем, что произошло. По пути во дворец Торжества Милосердия он рассказал ему, что случилось.

Тан Фан выяснил, что после того как они с Ван Джи разошлись, тот пошел во дворец, чтобы отыскать Юань Ляна и спросить его прямо о смерти Хань Цзао.

Юань Лян, естественно, отпирался как мог и пытался заговаривать Ван Джи зубы.

Видя, что тот не собирается признаваться, Ван Джи взмолился про себя: «Я беспокоюсь о наследном принце и хотел бы прикрыть вас. Но так как ты отказываешься сотрудничать, не вини меня в будущем!»

И он продолжал угрожать Юань Ляну, пугая, что ему уже известно о его сговоре с Фу Ру и что если Юань Лян не скажет правду, Ван Джи придется доложить обо всем Благородной наложнице. В таком случае смерть Юань Ляна будет еще ужаснее, а принц, свергнутая императрица и другие окажутся замешанными в это дело и пострадают вместе с ним.

Конечно, это были лишь угрозы. Ван Джи не собирался приводить их в исполнение.

Хань Хуэй убил Хань Цзао, однако ему необходимо было подгадать момент, когда Благородная наложница Ван отправит суп. А для этого понадобилась бы информация и со стороны принца, и со стороны наложницы.

Со стороны принца был Юань Лян, который сопровождал Хань Цзао во дворце. Он был единственным, кто мог вступить в контакт с Хань Хуэем.

Со стороны наложницы должен был быть кто-то, кто, узнав об отправке супа, расскажет об этом Юань Ляну, а затем выберет подходящий момент для убийства.

Тан Фан выстроил в своей голове следующую последовательность событий, которую и попытался ранее донести до Ван Джи:

Благородная наложница Ван была необычайно ревливой и мстительной женщиной. Если она кого-то ненавидела, то ненавидела до мозга костей, и никак не могла унять своей злобы. Взять, к примеру, наследного принца. До появления Чжу Ютана все дети и их матери из гарема были

уничтожены Благородной наложницей Ван. И поскольку Император благоволил ей и закрывал глаза на ее деяния, никто из придворных чиновников не смел выступить против нее. Дошло до того, что у Императора, в его-то возрасте, не было ни одного сына, а значит, ни одного наследника.

В это самое время объявился наследный принц, которому на тот момент уже исполнилось шесть лет. Другими словами, кучка придворных на протяжении шести лет оставляла Благородную наложницу Ван в неведении, пока мальчик спокойно рос у нее прямо под носом! Благородная наложница пришла в ярость из-за столь масштабного обмана. Как могла она, держащая в страхе весь гарем, стерпеть подобное?! Да знай она, что принц уже достаточно разумен, чтобы затаить на нее обиду, она все равно бы убила его биологическую мать, госпожу Джи! Даже евнух Чжан Минь, который помогал скрывать принца во дворце, так сильно испугался ее возмездия, что покончил с собой, проглотив золото.

Такой человек, как Благородная наложница Ван, скорее посадила бы на трон сына другой наложницы, чем позволила Чжу Ютану стать наследным принцем.

И поскольку Чжу Ютана она терпеть не могла, с чего вдруг решила послать ему фасолевый суп? Скорее всего, это была не ее идея. Кто-то подле нее, должно быть, неоднократно уговаривал ее сделать это, пока она не согласилась.

Мало кто из приближенных был способен оказать на нее такое влияние. И Фу Ру, высокопоставленная придворная дама, на которую Благородная наложница Ван во всем полагалась, была одной из них.

Поэтому Тан Фан с Ван Джи и пришли к выводу, что если Юань Лян вступил в сговор с кем-то из людей Благородной наложницы Ван, этим «кем-то», скорее всего, была Фу Ру.

Однако Ван Джи не мог пойти прямо к Благородной наложнице Ван и объяснить ей ситуацию. В таком случае он раскрыл бы их заговор, а поскольку Юань Лян был ближайшим помощником принца, Благородная наложница Ван неизбежно бы решила, что это принц пытался подставить ее, а затем обязательно бы попыталась свести с ним счеты. При таком исходе Ван Джи не смог бы достичь своей главной цели – закрыть дело, не задев ни одну из сторон.

Кроме того, Фу Ру была приближенной к Благородной наложнице Ван придворной дамой. Зачем ей было вступать в сговор с Юань Ляном? Зачем ей вообще все это?

И теперь Ван Джи нужно было найти способ поймать убийцу, не давая Благородной наложнице повода провести зачистку в гареме.

Конечно, делал Командующий Ван это не потому, что был сострадательным человеком, а ради собственной политической выгоды.

Что ж, на самом деле не имело значения, какую цель преследовал Командующий Ван. Важно было то, что старался он изо всех сил.

Он хотел бы забрать Юань Ляна в Западную Ограду и допросить, но в таком случае поднялось бы слишком много шума, и Благородная наложница Ван узнала бы о произошедшем. Все, что он мог, это, прикрывшись необходимостью дальнейшего расследования, отправить людей тайно проверить Фу Ру. А сам в это время отыскал Юань Ляна, чтобы побеседовать с ним

наедине. Он сказал ему, что Фу Ру и Хань Хуэй уже во всем признались, дав понять, что и Юань Ляну лучше было бы рассказать правду, дабы не вовлечь еще больше людей, и не терпеть невыносимые нескончаемые пытки.

Выслушав приведенные Ван Джи доводы, Юань Лян больше не мог отпираться. Он спокойно признался Ван Джи, что спланировал все в одиночку и теперь надеется, что не вовлечет никого другого. Наложница Цзи велела ему присмотреть за ее сыном. Он не хотел подвести ее и утащить наследного принца за собой.

«Сколько можно объяснять? – презрительно ответил ему Ван Джи. – Если бы я хотел создать проблемы, я бы уже давно пошел к Благородной наложнице, чтобы лишний раз выслужиться перед ней».

Выслушав его заверения, Юань Лян ответил, что хочет еще раз увидаться с принцем, так как ему есть что тому сказать напоследок.

Ван Джи согласился, а затем поспешил из дворца, чтобы встретить Тан Фана.

Выслушав его, Тан Фан немного помолчал, а затем спросил:

— Он покончил с собой после встречи с принцем?

Ван Джи кивнул:

— При глотании золота смерть наступает медленно. Время еще есть. Обо всем этом знаем лишь мы с тобой. Я велел тебе прийти во дворец, так как хотел бы, чтобы именно ты допросил Юань Ляна. Нужно выяснить, зачем он это сделал: по личным причинам или за ним еще кто-то стоит. Кроме того, нам нужно решить, как поступить с Фу Ру и что сказать Благородной наложнице.

После того как Юань Лян попросил встречи с принцем, Ван Джи сразу понял, что тот собирается сделать: тот хотел защитить Чжу Ютана, а для этого еврею принца нужно было умереть. Фу Ру будет обвинена в преступлении, с Хань Хуэем они тоже разберутся – свидетелей не останется.

Так за беседой они добрались до дворца Торжества Милосердия.

Принц вышел к ним навстречу. Его глаза были немного красными, однако выражение лица оставалось спокойным, как и всегда. Было неизвестно, знает ли он о том, что произошло. Принц сказал лишь:

— Служащий Ван, магистрат Тан, Юань Лян очень болен. Он... он хочет вас видеть...

Ван Джи понимающе кивнул и торжественно проговорил:

— Ваше Высочество, пожалуйста, ведите.

— Следуйте за мной, – ответил наследный принц.

Необходимо отметить, что люди принца из Восточного дворца были очень преданными, так как

им приходилось немало рисковать своими жизнями: скрывать существование принца от Благородной наложницы Ван, помогать госпоже Цзи воспитывать его и самим принимать в этом активное участие. В то время никто не мог знать наверняка, станет ли этот ребенок Наследным принцем или умрет насильственной смертью. Единственное, в чем они могли быть уверены, так это в том, что, если Благородная наложница прознает, им придет конец. Но даже так они все равно продолжали поддерживать принца.

Они не преследовали никаких корыстных целей. Все, что можно сказать, так это то, что как бы темно ни было вокруг, всегда найдется светлый лучик добра. Именно благодаря таким людям наследный принц не сбился с пути, и по-прежнему стремился к свету, а его сердце оставалось чистым и добрым. Тан Фан определил это по его эссе и почерку, и он был твердо уверен, что принц не имеет никакого отношения к этому делу.

Житейские бури и ужасы остались за стенами Восточного дворца, который стал для маленького принца его личным крохотным мирком, ведь его окружали честные, неподкупные люди, готовые отдать за него свои жизни. Даже силы Западной Ограды не могли проникнуть сюда.

Именно поэтому Тан Фан не мог понять, почему Юань Лян поступил так.

Наследный принц отвел их в небольшую неприметную комнатку Восточного дворца.

Юань Лян лежал на кровати, его лицо было желтым, как воск. Он выглядел совершенно не так, как раньше, дыхание уже ослабло. Кажется, у него оставалось совсем мало времени.

Самоубийство путем проглатывания золота – более ужасающий и мучительный способ, чем повешение или отравление. Но во Дворце было не так просто повеситься. Для этого требовалось найти место, где это можно сделать незаметно, и специальные подручные материалы. Яд также было очень сложно добыть. Тогда как проглотить золото было достаточно просто. Юань Лян благодаря занимаемой им должности за эти годы должен был накопить достаточное количество средств. Необходимо было лишь разрезать золотые слитки на маленькие кусочки, смешать их с вином и выпить. Это был самый распространенный метод самоубийства во дворце. Даже Чжан Минь воспользовался им в свое время, чтобы избежать преследования со стороны Благородной наложницы за укрывательство принца.

К слову, Благородная наложница Ван отличалась весьма скверным характером. Она частенько била и оскорбляла своих служанок. Можно было предположить, что Фу Ру, не выдержав подобного отношения, решила отомстить ей. Однако Тан Фан не мог понять, зачем она выбрала столь сложный способ, если могла вместо этого, к примеру, просто отравить свою госпожу? Еще один вопрос, ответ на который предстояло выяснить.

Юань Лян одной ногой уже был в могиле, однако его лицо оставалось по-прежнему спокойным. Заметив Тан Фана и остальных, он сначала попросил принца оставить их, а затем, не дожидаясь вопросов, заговорил:

— Я знаю, о чем вы хотите спросить. Я вам все расскажу, но прошу прежде пообещать, что не будете вовлекать в это дело Его Высочество после моей смерти. Он об этом совсем ничего не знал. Хорошо?

— Хватит этих пустых разговоров, – с каменным лицом проговорил Ван Жи. – Просто скажи

уже, зачем ты это сделал?

Юань Лян горько вздохнул. Его лицо было очень печальным: «Когда я только вошел во Дворец, меня направили работать в библиотеку. В то время я был молод и невежественен, постоянно нарывался на неприятности и нередко бывал бит. Однако сестрица Цзи всегда защищала меня. Она научила меня читать и писать. Когда меня наказывали и не кормили, она делила со мной свою порцию. Я никогда не забуду ее доброты.

Однажды я заметил, что сестрица Цзи ведет себя несколько странно. Она не могла есть, потому что ее постоянно тошнило. Я волновался, что она заболела, поэтому продолжал расспрашивать ее снова и снова, пока она не призналась мне, что, возможно, беременна.

Узнав, что она носит ребенка Его Величества, я был одновременно рад и обеспокоен. Я был рад, потому что в гареме не было детей и, если бы сестрица Цзи родила мальчика, она бы обязательно стала наложницей, а ребенок бы смог получить титул Наследного принца. А обеспокоен я был потому, что всем в гареме заправляла Благородная наложница Ван. Даже Императрица была свержена из-за того, что как-то оскорбила ее. У Благородной наложницы Ван не было своих детей, разве она могла вынести, что сестрица Цзи родит ребенка?

Вскоре Благородная наложница Ван прознала о беременности сестрицы Цзи и тотчас послала придворную даму, чтобы та заставила сестрицу избавиться от ребенка. Сестрица Цзи была очень доброй, и ее все любили. После того как придворная дама вынудила ее выпить специальное средство, мы все усердно молились за нее. С ней ничего не произошло, и мы доложили Благородной наложнице, что та выпила снадобье, но никакой реакции не последовало, а значит, она просто заболела, и не была беременна.

К счастью, то средство оказалось малоэффективным, и Его Высочество все-таки появился на свет. Но до сих пор можно увидеть, что на макушке у Его Высочества волосы очень редкие. Это все из-за того снадобья, – предавшись воспоминаниям, Юань Лян устремил свой взор в никуда, его глаза стали влажными. – Когда Его Высочество появился на свет, сестрица Цзи все время прятала его. Ее здоровье было очень слабым, а еды не хватало. Нам приходилось искать пропитание для Его Высочества, а также прятать его от глаз и ушей Благородной наложницы. Мы жили в страхе каждый день.

Так продолжалось до тех пор, пока Его Высочеству не исполнилось шесть лет. Чжан Минь объявил об его существовании перед Его Величеством, и Его Величество даровал ему титул Наследного принца. Мы все были очень рады за сестрицу Цзи, так как полагали, что ее страдания наконец позади. Кто же знал, что через несколько месяцев после того, как Его Высочество получит титул, сестра Цзи умрет? – он плакал, и сердце его обливалось кровью: – Говорят, что хорошим людям и солнце ярче светит, но я не понимаю! Сестрица Цзи была таким хорошим человеком, почему же ее конец был столь печален?»

Ни Юань Лян, ни Тан Фан не знали ответа на этот вопрос.

В этом мире столько людей, которые идут по головам, не жалея никого вокруг ради корыстных целей!

Юань Лян только что сказал, что Благородная наложница Ван больше не могла иметь детей. Но когда наследный принц получил титул, та все-таки убила госпожу Цзи. Разве ей была от этого польза?

Благородная наложница Ван, несомненно, ответила бы, что польза была. Она ненавидела госпожу Цзи за то, что у нее был сын, тогда как сама она не могла иметь детей. Благородная наложница ненавидела ее за то, что та скрывала своего ребенка столько лет! Она ненавидела, когда ее держали за дуру. Да к тому же боялась, что, взойдя на престол, Наследный принц сделает свою мать Вдовствующей императрицей, тогда как она сама так и останется лишь Благородной наложницей...

Помимо всего перечисленного Благородная наложница Ван при необходимости могла придумать еще сколь угодно много причин.

В ее сердце не было места прощению, терпению и смирению.

В те времена все дворцовые чиновники, в том числе и члены Кабинета Министров, целыми днями отлынивали от возложенных на них обязанностей. Праздно коротая деньки, они наслаждались богатством и достатком в окружении детей и внуков.

Когда Благородная наложница Ван уничтожала жен и наследников Императора, эти столпы государства не осмелились и слова молвить из-за страха, что Благородная наложница очернит их имена перед Императором и те лишатся своих должностей. Так что продолжали закрывать глаза на ее поступки, позволяя делать то, что она хочет.

И именно придворные дамы с евнухами, на которых все гражданские чиновники обычно смотрели свысока, рисковали жизнями, чтобы защитить наследного принца. Но всех их ждал печальный конец.

Неужели правда, что предатели во все времена получают все, а преданные обречены на гонения?

Послесловие автора:

PS: Юань Лян сказал, что «на макушке у Его Высочества волосы очень редкие». Это правда. Но я не помню, откуда я это узнала. То ли из «Хроник Мин Сяоцзуна», то ли из «Национальных исследований». По истории он рано умер из-за врожденных заболеваний.

Но даже так, он все равно не стал раскапывать могилу Благородной наложницы Ван, не стал устраивать гонения на ее родственников до девятого колена. Кто-то может сказать, что он делал это, чтобы не испортить свою репутацию. Однако мне это кажется маловероятным. Даже простые люди держат обиды, что уж говорить об Императоре, обладавшем абсолютной властью. Да и вообще, причина для мести у него была вполне уважительная и обоснованная.

И история знает немало прецедентов, когда власть имущие так и поступали. (далее Мэн Сиши приводит в пример какую-то Цзян Моу 江某, про которую я ничего не поняла, и в интернете не нарыла...)

Так что ненавидеть не трудно, трудно прощать.

Примечания переводчика:

То да потому да десять раз... Тяжелая глава, хоть и короткая.

<http://tl.rulate.ru/book/50212/1472033>